

Л. П. ПОТАПОВ

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ АЛТАЙЦЕВ

Крупнейшие социалистические нации Советского Союза — русская, украинская, армянская, грузинская и другие «возникли и развились на базе старых, буржуазных наций в результате ликвидации капитализма, — путём коренного их преобразования в духе социализма»¹. Но ряд народов нашей великой многонациональной страны до победы Октябрьской социалистической революции не успел, вследствие своей отсталости, сложиться в буржуазные нации. Минувя стадию капиталистического развития, эти народы миновали и стадию существования в качестве буржуазных наций. Они формируются сразу как нации социалистические.

И. В. Сталин следующим образом характеризует социалистические нации:

«Рабочий класс и его интернационалистическая партия являются той силой, которая скрепляет эти новые нации и руководит ими. Союз рабочего класса и трудового крестьянства внутри нации для ликвидации остатков капитализма во имя победоносного строительства социализма; уничтожение остатков национального гнета во имя равноправия и свободного развития наций и национальных меньшинств; уничтожение остатков национализма во имя установления дружбы между народами и утверждения интернационализма; единый фронт со всеми угнетенными и неполноправными нациями в борьбе против политики захватов и захватнических войн, в борьбе против империализма, — таков духовный и социально-политический облик этих наций»².

Социалистические нации коренным образом отличаются от наций буржуазных. Равным образом и условия формирования новых, социалистических наций коренным образом отличаются от условий формирования буржуазных наций. Поэтому проблема их формирования является особой научной проблемой.

Исследование этой проблемы привлекло сейчас серьезное внимание ряда институтов Академии Наук СССР. В Институте этнографии она занимает одно из центральных мест в общем плане научно-исследовательских работ. Организованы две специальные экспедиции для изучения процессов национальной консолидации народов Сибири и Северного Кавказа.

Едва ли следует подчеркивать трудность и сложность исследования этой проблемы. Столь же очевидно ее большое теоретическое и практическое значение для развития социалистического строительства не только в национальных областях и республиках СССР, но и в странах народной демократии. Отсюда ясна та большая ответственность, которая возлагается на исследователей этой проблемы как при собирании конкретного материала, так и при его научном анализе и теоретических обобщениях.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 339.

² Там же.

Вопросы о путях и характере национальной консолидации того или иного народа могут быть поставлены и разрешены только на основе учения И. В. Сталина о национальном вопросе в целом и о национальном вопросе в условиях социализма. И. В. Сталин создал и разработал научную теорию наций, выяснил условия и факторы национальной консолидации, исследовал и установил законы образования наций как в капиталистическом, так и в социалистическом обществе. И. В. Сталин внес этим, как и разработкой многих других вопросов, гениальный вклад в историческую науку. Он создал незыблемые теоретические и методологические основы для исследования вопросов национальной консолидации любой народности, в любых исторических условиях.

Настоящая работа является лишь предварительным кратким изложением некоторых результатов исследования вопроса национальной консолидации алтайцев. Цель ее — дать ответ только на один, самый общий вопрос: сформировались ли уже современные алтайцы в социалистическую нацию? Что вопрос этот назрел, ясно показала научная конференция по вопросам алтайского языка и литературы, созванная руководящими советскими и партийными органами Горно-Алтайской автономной области летом 1951 г. в г. Горно-Алтайске. В работе конференции приняли участие представители институтов языкознания, этнографии и востоковедения Академии Наук СССР.

Некоторые представители алтайской интеллигенции выступали на этой конференции с решительным утверждением, что современные алтайцы сформировались в социалистическую нацию, хотя и не приводили серьезных доказательств в пользу такого утверждения. Но вопрос этот, как уже подчеркивалось, имеет далеко не академический интерес, и то или иное решение его должно быть достаточно обоснованным, ибо он тесно связан с практикой социалистического строительства в Горно-Алтайской автономной области и глубоко волнует советских и партийных работников Горного Алтая.

Напомним классическое определение понятия нации, данное И. В. Сталиным в его работе «Национальный вопрос и ленинизм»: «Русские марксисты давно уже имеют свою теорию нации. По этой теории нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникающая на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры»³.

Следовательно, чтобы правильно решить вопрос, сформировались ли современные алтайцы в социалистическую нацию, необходимо рассмотреть у них наличие перечисленных признаков нации.

Прежде чем приступить к анализу признаков нации у современных алтайцев, необходимо указать, что до Великой Октябрьской социалистической революции алтайцы безусловно не представляли собой нации. Более того, нет достаточных оснований считать дореволюционных алтайцев сложившимися даже в народность. Они не имели общего самоназвания и по существу представляли собой ряд изолированных друг от друга в экономическом и культурном отношении племенных и территориальных групп, именуемых в литературе собирательно алтайцами по месту обитания их в Горном Алтае. Только одна из этих групп, проживающая преимущественно в Онгудайском и Усть-Канском районах, именovala себя «алтайцами» (алтай кижй, буквально: люди Алтая) и накануне Октябрьской революции проявляла признаки превращения ее в маленькую народность с единым общим самоназванием.

У алтайцев отсутствовал такой определяющий признак нации, как

³ И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 333.

экономическая общность. У них не было ни национального рынка, ни экономических центров, т. е. не было факторов, ликвидирующих хозяйственную раздробленность и стягивающих различные разобщенные территориальные и племенные группы в единое целое. Напротив, алтайцы были раздроблены в хозяйственном отношении на мелкие замкнутые районы, большинство населения которых жило изолированной хозяйственной жизнью, ведя преимущественно натуральное хозяйство. Уже отсутствие одного этого признака у алтайцев до революции решает вопрос о нации у них в отрицательном смысле, ибо, как показал И. В. Сталин, достаточно отсутствия хотя бы одного из признаков, определяющих нацию, чтобы «нация перестала быть нацией»⁴.

Но у алтайцев отсутствовали также и другие признаки, необходимые для существования нации. К ним относится еще, например, отсутствие общности языка и общности национальной культуры. До Октябрьской революции у алтайцев не было единого общенародного языка. Они говорили по существу на двух языках: североалтайском и южноалтайском. Оба эти языка, относящиеся к различным группам тюркских языков, различались по грамматическому строю и словарному составу в такой степени, что северный алтаец (челканец или кумандинец) не мог говорить с южным алтайцем (теленгитом из Кош-Агачского района и с алтайцем из Усть-Канского или Онгудайского района). Они не понимали друг друга.

Не случайно поэтому в лингвистических классификациях тюркских языков североалтайский и южноалтайский языки с их местными диалектами относятся к различным группам. Североалтайский язык распадался на диалекты: кумандинский, тубаларский и челканский (и был весьма близок к языку шорцев), а южноалтайский на диалекты: теленгитский, собственно алтайский и телеутский. Диалекты эти именуются по названию племенных и территориальных групп алтайцев.

Таким образом, ни о каком едином языке не только литературном, которого тогда вообще не было, но и разговорном, у алтайцев до Октябрьской революции не может быть и речи. Это вполне понятно и естественно, так как отсутствие экономической да и политической концентрации у алтайцев обуславливало и отсутствие концентрации упомянутых двух алтайских языков в единый общенародный язык. Стало быть, нельзя считать дореволюционных алтайцев сложившимися в нацию и в силу отсутствия у них общности языка.

Но и это не все. Не было у алтайцев, как уже говорилось, и общности культуры, отражающей общность психического склада. Напомним, что до революции культура алтайцев, если даже иметь в виду только культуру народных масс, была также резко различной, т. е. не была общей. Культура и быт южных алтайцев скотоводов-полукочевников и культура и быт северных алтайцев, преимущественно охотников, настолько резко различались, что это не требует особых доказательств. В наших специальных этнографических работах это различие показано достаточно широко⁵.

Таким образом, вопрос о существовании нации алтайцев до революции решается вполне отрицательно и не является дискуссионным. Между прочим, изложенное объясняет нам также и то, что до Октябрьской революции различные племенные или территориальные группы алтайцев не имели общего национального сознания. Последнее обстоятельство проявлялось в том, что каждая из этих групп именovala себя различно по племенному или территориальному признаку (например, телес, алтай-кижи, теленгет, улаан, или чуй кижы, и т. д.).

⁴ И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 297.

⁵ См., например, мои книги: «Разложение родового строя у племен Северного Алтая», Л., 1935; «Очерки по истории алтайцев», Новосибирск, 1948.

Обратимся теперь к современным алтайцам, живущим в социалистическую эпоху, в условиях советской автономии. В этой связи следует прежде всего отметить, что советский государственный строй с его ленинско-сталинской национальной политикой, социалистический общественный строй с его социалистической экономикой, не знающей кризисов и безработицы, дающей возможность зажиточной и культурной жизни трудящимся, с отсутствием эксплуататорских классов, — создали исключительно благоприятные условия для национальной консолидации алтайцев, как и других ранее отсталых народов нашей страны. Повседневная забота коммунистической партии и Советского правительства в области ликвидации политической, экономической и культурной отсталости алтайцев, предоставление им специальной формы государственного устройства — советской административной автономии, огромная практическая помощь русского народа коренным образом изменили хозяйство, культуру и быт алтайцев и дали выход и простор творческой энергии широких трудовых масс. В результате этого в исключительно короткий исторический срок алтайцы достигли высокой ступени общественно-экономического и культурного развития, миновав капиталистическую стадию.

В этих конкретных исторических условиях, на базе социалистических порядков развивается процесс национальной консолидации алтайцев. У них возникают такие признаки нации, как, например, общность территории, экономическая общность. Своеобразие этого процесса у алтайцев заключается в том, что упомянутые признаки нации формируются у них впервые, а не на базе старой разрушенной буржуазной нации, как это происходило у многих наших социалистических наций. Процесс национальной консолидации обусловлен ликвидацией политической, экономической и культурной отсталости на основе практического осуществления ленинско-сталинской национальной политики, переходом от почти первобытных форм быта к развитому социализму, минуя капиталистический путь развития, под руководством коммунистической партии, при братской помощи русского народа.

Таким образом, наличие процесса национальной консолидации у алтайцев несомненно. Необходимо только установить, привел ли этот процесс уже к образованию социалистической нации. С этой целью попытаемся проанализировать конкретный материал, взятый из жизни современных алтайцев. Обратимся, прежде всего, к общности экономической жизни алтайцев как признаку нации, полностью отсутствовавшему в прошлом. Необходимо констатировать, что наличие этого признака у алтайцев в настоящее время сомнения не вызывает.

Экономическая общность у алтайцев порождена социалистическим характером их народного хозяйства и выросла на базе общественного производства, общественной собственности на основные средства производства, социалистического планирования. Выражением этого в основной отрасли народного хозяйства алтайцев, именно в сельском хозяйстве, является колхозная система, с ее высокоотварным планируемым производством сельскохозяйственной продукции как в области животноводства, так и в области земледелия.

Коллективизация сельского хозяйства сыграла важную роль в создании общности экономической жизни алтайцев.

Благодаря социалистическому планированию народного хозяйства быстро растут и развиваются производительные силы Горно-Алтайской автономной области. Различие естественно-исторических, природных условий используется для наиболее эффективного развития разнообразных отраслей сельского хозяйства и промышленности. Районы области со специализацией сельскохозяйственного или промышленного труда благодаря социалистическому планированию оказываются тесно связанными как между собой, так и с другими экономическими центрами нашей страны постоянными, плановыми, а не стихийными связями. В процессе

развития экономической общности алтайцев огромная роль принадлежит и местной промышленности, впервые возникшей в Горном Алтае лишь после образования автономной области. Высокая товарность сельского хозяйства, важнейшим показателем которой является, например, объем заготовок, служит важным условием для развития товарооборота в области в форме государственной и кооперативной торговли.

Таким образом, в результате практического осуществления ленинско-сталинской национальной политики алтайцы не только ликвидировали прошлую, почти первобытную экономическую отсталость, но высоко развили различные отрасли народного хозяйства. Это обстоятельство в условиях социалистического общественного строя, в условиях новых экономических отношений, основанных на тесном сотрудничестве рабочих и крестьян и советской интеллигенции, на дружбе народов, закономерно привело к возникновению общности экономической жизни алтайцев, являющейся одним из необходимых и важнейших признаков нации.

Следует, однако, оговориться, что Турочакский аймак, населенный челканцами и кумандинцами, говорящими на диалектах североалтайского языка, является в экономическом отношении, как и во многих других, в значительной степени изолированным. Это объясняется его окраинным положением, тем, что он отделен от остальных районов области рекой Бией и не связан благоустроенными путями сообщения с экономическим и культурным центром области — городом Горно-Алтайском. Вследствие этого население Турочакского аймака почти не общается с населением других районов области, в которых живут алтайцы, и более тесно связано с русским населением Алтайского края.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с другими признаками нации и прежде всего с языком. Мы должны констатировать, что единого национального языка, закреплённого в литературе, для всех алтайцев пока еще нет. Если диалекты южноалтайского языка довольно быстро успели перемолотся в едином южноалтайском языке, то этого нельзя сказать о североалтайских диалектах, которые в силу указанных обстоятельств продолжают сохранять свою самостоятельность.

В этом нет ничего удивительного, так как процесс образования единого языка из двух старых алтайских языков даже в порядке сотрудничества и взаимного обогащения их не может не быть длительным. Поэтому различия между северным и южным алтайскими языками продолжают существовать и в настоящее время. Эти различия весьма тормозят развитие алтайского литературного языка, возникающего на базе южных диалектов. Северные алтайцы (челканцы, кумандинцы) постоянно указывают на трудность понимания учебников и областной газеты, издаваемых на возникающем алтайском литературном языке, и предпочитают читать на русском языке. Однако тубалары этих трудностей уже не испытывают.

Наличие единого национального литературного южноалтайского языка сомнений не вызывает, но дальнейшее развитие его как национального языка связано с преодолением серьезных трудностей. Эти трудности вытекают прежде всего и главным образом из низкого уровня развития обоих алтайских языков, на котором застала их Октябрьская революция. Об этом говорит их словарный состав. «Словарный состав,— пишет И. В. Сталин,— отражает картину состояния языка: чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык»⁶. Словарный состав алтайских языков был довольно бедным, ибо языки эти обслуживали потребности населения, находящегося на весьма низком уровне общественно-экономического развития. Какой был уровень общественно-экономического развития алтайцев до революции в районах,

⁶ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 23.

изолированных от русского трудового населения, можно судить хотя бы по следующим данным.

Основным занятием южных алтайцев было примитивное, полукочевое пастбищное скотоводство, без подготовки сена, без стойлового содержания, без ветеринарной помощи. Подсобным занятием было карликовое по размерам земледелие, при котором поле вскапывалось мотыгой или андазыном (прообраз сохи), боронилось суком и засевалось ячменем. Урожай с такого поля выдергивали руками или срезали ножом, колосья обжигали на огне и молотили толстой палкой, а зерно вместо мельницы растирали на каменной зернотерке или размельчали в деревянной ступе. У северных алтайцев основным занятием была пешая охота на зверя с самодельными ловушками и шомпольным фитильным или кремневым ружьем, а подсобным — мотыжное земледелие. У тех и других отсутствовали ремесла и не было никакой промышленности. Основным средством передвижения у южных алтайцев служила верховая лошадь, у северных — лодка-долбленка или плотик для летнего времени и лыжи для зимы.

Жилищем являлись различного типа шалаши с неугасаемым костром посередине, без окон, деревянного пола и печи. Такое жилище не имело и мебели — столов и стульев. Обитатели его жили на полу у костра. Крайне простая домашняя утварь делалась из кожи и дерева.

Совершенно отсутствовала письменность, не было школ, медицинской помощи, сколько-либо развитого изобразительного искусства. Дикие шаманские суеверия, жертвоприношения широко распространялись и поддерживались шаманами и эксплуататорской верхушкой. Общественные отношения выступали в отсталой патриархально-феодальной форме. У алтайцев не было своей государственности. Крайняя политическая отсталость была уделом трудовых слоев алтайцев.

Следовательно, северный и южный алтайские языки жили и развивались в условиях крайне отсталого уровня общественно-экономической и культурной жизни и обслуживали потребности населения с весьма отсталой культурой. Поэтому словарный состав их был весьма ограничен.

Но вот произошла Октябрьская революция, возродившая к самостоятельной национальной жизни алтайцев. В исключительно короткий исторический срок — всего за 25—30 лет, благодаря руководству коммунистической партии, благодаря повседневной заботе об алтайцах Советского правительства, благодаря постоянной братской помощи русского народа, алтайцы совершают гигантский скачок по пути прогресса. Они успешно ликвидируют политическую, экономическую и культурную отсталость.

Возникает вопрос: как, каким образом старые алтайские языки, сложившиеся в описанных выше условиях, смогли обслуживать новую, быстро растущую социалистическую культуру алтайцев?

Нужно прямо сказать, что старый язык как северных, так и южных алтайцев с этой задачей не справился и не мог справиться прежде всего в силу бедности его собственного словарного состава. Достаточно сказать, что в обоих языках нет собственной терминологии для выражения понятий и обозначения слов в области различных наук, как естественных, так и общественно-исторических, нет политической, сельскохозяйственной, технической терминологии, отражающей современный высокий уровень общественного развития социалистического общества, его передовые идеи, его высокоразвитое и многообразное искусство, его высокоразвитое сельское хозяйство, промышленность, науку и технику. В алтайских языках не оказалось слов и для выражения нового государственного устройства, новой, социалистической культуры, новой общечеловеческой морали. В алтайских языках не хватает словарного состава для того, чтобы обеспечить школьные учебники не только в объеме десятилетия, но и в объеме семилетки. И это вполне понятно. Это не вина

алтайских языков, а их беда, поскольку они возникли и развивались в условиях крайне отсталого уровня общественно-экономической и культурной жизни.

Но как же случилось, что, несмотря на то, что оба старых языка алтайцев оказались не в состоянии обслужить потребности общения населения в новых условиях, алтайцы не только не остановились в культурном развитии, а, наоборот, быстро двинулись вперед по пути развития экономики и культуры? Это произошло потому, что на помощь алтайцам пришел русский язык, который помог и продолжает помогать им двигаться по пути прогресса, к коммунизму. В алтайский язык нахлынул огромный поток русских и интернациональных слов, русской терминологии, который резко изменил словарный состав этих языков.

Однако и это не могло удовлетворить практических потребностей общения и культурного развития алтайцев. Язык алтайцев, в частности и возникающий литературный язык, не успевает справиться с этим обильным пополнением языковым материалом, переработать его в собственных грамматических нормах, освоить его. Поэтому алтайцы параллельно родному языку стали учиться говорить, читать и писать на русском языке. Трудящиеся алтайцы быстро убедились на практике в преимуществе русского языка и охотно, добровольно стали овладевать им, ибо увидели в русском языке мощный источник быстрого дальнейшего культурного развития. Ведь это же факт, что русский язык без всякого к тому принуждения, без каких бы то ни было специальных мер так быстро распространился и продолжает распространяться в среде современных алтайцев.

Известно, что и до революции русский язык также распространялся среди алтайцев. Процесс этот шел двумя путями. С одной стороны, алтайцы в районах соприкосновения с русским населением добровольно изучали русский язык в результате естественно возникавших тесных культурно-экономических связей с русским народом, с русским трудовым крестьянством, причем и многие русские крестьяне также добровольно изучали алтайский разговорный язык. С другой стороны, русский язык насаждался у алтайцев принудительно, в порядке ассимиляторской политики царского правительства, в порядке руссификации, когда родной язык алтайцев запрещался, изгонялся, а вместо него сверху, принудительно насаждался русский язык. Однако народные массы алтайцев при этом продолжали оставаться в темноте и невежестве, так как царские колонизаторы были далеки от мысли использовать русский язык как могучий источник повышения культуры алтайцев. Напротив, русский язык насаждался колонизаторами для того, чтобы убить, уничтожить алтайцев как «иностранцев», заставить их обрусеть для того, чтобы было легче и удобнее эксплуатировать трудовые массы алтайцев. Вот почему в то время насильственное насаждение русского языка было для многих алтайцев своего рода пугалом, вызывающим недоверие или даже враждебное отношение ко всему русскому.

Напротив, в советских условиях, в условиях ленинско-сталинской национальной политики, родной язык алтайцев не только не изгоняется, но ему оказывается всяческая помощь в отношении его развития как важнейшего средства приобщения этой народности к высокой социалистической культуре. Но и русский язык по мере культурного роста алтайцев не только не встречает недоверия, тем более враждебного отношения, а его изучают, как уже говорилось, добровольно и с охотой, ибо видят в нем могучее средство овладения высотами современной социалистической культуры. В наших советских условиях изучение русского языка не несет обрусения, ибо овладение русским языком идет параллельно с существованием и постепенным развитием родного языка алтайцев и вовсе не отменяет последний. Овладение русским языком только убыстряет развитие национальной культуры алтайцев. Напротив, искусственная

изоляция алтайцев в рамках бедного словарным составом и словарным фондом своего языка от русского могла бы оказать тормозящее влияние на развитие их национальной социалистической культуры. Отсюда вопрос изучения русского языка для алтайцев, как и для многих других народностей Сибири, приобретает большое практическое значение и не может быть упущен из поля зрения исследователя.

Фактически в настоящее время северные алтайцы (Турочакский аймак), составляющие меньшинство алтайцев, говорят на североалтайском языке, южные (их большинство) — на южноалтайском, и те, и другие — на русском. Русский язык в настоящее время в Горно-Алтайской области является наиболее распространенным и общим языком, хотя и не единственным⁷. За годы строительства социализма русский язык сделался достоянием широких масс алтайского населения. Вполне понятно отсюда, что делопроизводство в учреждениях области, обучение в большинстве школ и во всех средних учебных заведениях, а также в Учительском институте ведется на русском языке. На русском языке издается большинство газет. Таким образом, русский язык играет ведущую роль в развитии социалистической культуры алтайцев, ибо последние убедились в практическом преимуществе его перед своим языком, чем и объясняется исключительно широкое распространение русского языка в области. Однако родной язык как у северных, так и у южных алтайцев, был и остается не только разговорным языком в семье, в домашней обстановке, но и важнейшим средством первоначального приобщения алтайцев к современной социалистической культуре, овладеть высотами которой алтайцы могут только при помощи русского языка.

Всё изложенное по поводу языка дает основание утверждать, что у современных алтайцев процесс языкового строительства еще не закончен и говорить об общности и господстве национального языка, закрепленного в литературе, у алтайцев еще рано. Поэтому объяснять те многочисленные неудачи, трудности, ошибки и неполадки в переводах на алтайский язык с русского языка только плохой работой переводчиков, их неподготовленностью и т. п., как это пытаются делать отдельные представители алтайской интеллигенции, неправильно. Это значит закрывать глаза на основную причину этих неудач, заключающуюся в слабом развитии алтайского литературного языка, в его пока еще ограниченных возможностях.

Никакие декларации о богатстве народного языка, на которые не скупятся некоторые товарищи алтайцы, ссылаясь на алтайский народный героический эпос, говоря об этом богатстве в тех же выражениях, какие принято употреблять по отношению к русскому языку, не могут изменить фактического положения дел с алтайским языком. Необходимо реально оценивать его состояние и возможности.

Героический эпос алтайцев, создавшийся в архаических условиях общественно-экономической жизни алтайцев, нельзя считать серьезным источником обогащения современного языка, как это думает С. С. Суриков⁸. Такая постановка вопроса об источниках обогащения алтайского языка неправильна. Источником обогащения и развития литературного языка может быть прежде всего наша современная социалистическая действительность, но никак не героический эпос алтайцев, крайне архаический по своему содержанию и форме. Кроме того, пользоваться таким эпосом нужно весьма и весьма критически и осторожно. Не все, что бытует в народе (особенно у народа, в прошлом отсталого), може

⁷ Численность алтайского населения в области в несколько раз меньше численности русского населения.

⁸ Доклад о состоянии алтайской литературы, зачитанный на научной конференции по вопросам алтайского языка и литературы 15 августа 1951 г. в г. Горно-Алтайске.

быть сохранено в нашей социалистической современности. Мы знаем немало вредных народных обычаев, суеверий и т. п., с которыми нужно вести решительную борьбу, несмотря на то, что они «народные», а не консервировать их.

Рассмотрение вопроса об общности языка у алтайцев показывает, что этот признак нации у них явно отсутствует, и это уже решает в отрицательном смысле вопрос о наличии нации у современных алтайцев в настоящее время. Что касается общности психического склада у алтайцев, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры, то этот признак нации исследовать, конечно, труднее и сложнее. Однако, по нашему мнению, он в основных чертах уже намечился за истекшие 30 лет жизни алтайцев в условиях советской автономии. Нам уже приходилось указывать в печати, что у современных алтайцев впервые возникла новая общая культура, национальная по форме и социалистическая по содержанию, в которой в значительной степени стерлись местные особенности культуры отдельных племенных и территориальных групп. Политическая концентрация алтайцев в рамках специальной формы государственного устройства — советской административной автономии, — развитие экономических связей, экономических центров, общей экономики Горно-Алтайской автономной области естественно способствовали созданию общности культуры алтайцев. Если единство содержания культуры современных алтайцев как культуры социалистической не подлежит никакому сомнению, то необходимо, следовательно, установить, имеется ли такое единство в смысле общности специфических особенностей формы национальной культуры алтайцев.

В чем выражаются специфические формы социалистической культуры алтайцев в настоящее время? О языке как национальной форме культуры мы уже говорили. Укажем теперь на возникающую национальную литературу алтайцев, пока еще молодую и незрелую (о чем говорит почти полное отсутствие прозы)⁹. Сюда же относятся, например, национальная декоративная живопись, появившаяся на базе народного изобразительного и в частности орнаментального искусства, а также национальная алтайская музыка, возникающая на основе народных мелодий, с использованием народных музыкальных инструментов алтайцев.

Перечисленные выше национальные формы культуры алтайцев выросли как формы общеалтайские, а не местные, скажем, теленгитские, тубаларские и т. п., и потому должны быть отнесены к национальной специфике социалистической культуры алтайцев в целом. К этому же ряду явлений мы должны отнести алтайскую национальную школу с обучением на родном языке, национальное издательство и т. д. Кроме того, необходимо иметь в виду наличие значительных национальных кадров алтайцев, работающих в партийном, советском и профсоюзном аппарате области. Советская интеллигенция, вышедшая из среды трудящихся алтайцев различных районов, как сельская, так и городская, писатели, ученые, артисты, художники являются показателем роста национальной алтайской социалистической культуры, еще молодой, но крепнущей и растущей. Все эти люди вместе с передовиками социалистического сельского хозяйства и промышленности, новаторами производства, являются передовыми представителями национальной культуры, отражающей новый психический склад людей социалистического общества, новый национальный характер алтайцев, развивающийся в условиях социалистического общества, в условиях советского государственного строя.

Нам кажется, что приведенные факты вполне достаточны для подтверждения выдвинутого положения о наличии общности специфических особенностей алтайской национальной культуры, отражающих общность

⁹ См., например, произведения П. Кучияка, Ч. Енчинова и других.

психического склада современных алтайцев. Таким образом, этот признак нации у алтайцев в основном наметился, хотя процесс его развития еще далеко нельзя считать завершенным.

В результате всего изложенного выше мы приходим к ответу на основной вопрос, поставленный в настоящей работе, который заключается в том, что современные алтайцы в нацию еще не сформировались. Процесс национальной консолидации у них достиг только такой фазы развития, когда уверенно можно говорить о превращении южных алтайцев составляющих абсолютное большинство алтайского населения области, из разрозненных и обособленных племенных и территориальных групп в прошлом в единую социалистическую народность в настоящем. Можно считать уже завершенным слияние тубаларов с этой народностью. Каковы перспективы процесса национальной консолидации у алтайцев в ближайшем будущем? Решение этого вопроса составляет предмет нашего дальнейшего исследования и в задачу настоящей работы не входит.
